

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

СНАЙПЕР

ИГРА СНАЙПЕРОВ

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

СТИВЕН ХАНТЕР

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

Санкт-Петербург

Моему сыну Джейку

Все так ветхо-ветхо, все так ветхо и грустно, все так грустно и жухло, и вот я возвращаюсь к вам, мой хладный отец, мой хладный буйный отец...

*Джеймс Джойс. Поминки по Финнегану
(перевод Андрея Рене)*

ГЛАВА 1

Сегодня из Форт-Смита до городка Блу-Ай, расположенного южнее, но в том же округе Полк, по автостраде Гарри-Этеридж-мемориал-паркуэй езды около часа. Это замечательная дорога, одна из лучших в Америке, хотя местные циники прозвали ее пороссячьей тропой¹. Ожидалось, что благодаря Гарри-Этеридж-мемориал-паркуэй округ Полк превратится в Брэнсон² Западного Арканзаса, но этого не произошло. По пути вам встретятся развевающиеся на ветру флажки, указывающие на придорожные стоянки для отдыха с закусочными и бензоколонками. Вывески мотелей с такими громкими названиями, как «Дейз инн», «Холидей инн», «Рамада инн», видны прямо с шоссе, хотя сами гостиницы бывают заполнены в лучшем случае наполовину. Всеми ожидаемый земельный бум в округе Полк так и не разразился. А места здесь красивые, особенно ближе к Блу-Ай, административному центру округа: перед вашим взором вырастают горы Уошито — вздымающиеся волны сосновых лесов и скал. Это единственный горный хребет в Америке, тянущийся с запада на восток.

Автострада была построена в 1995 году на деньги сына Гарри Этериджа, Холлиса, в то время члена Конгресса

¹ Игра слов: parkway — парковая дорога; porkway — пороссячья тропа. — Здесь и далее примечания переводчика.

² Вероятно, имеется в виду город *Брэнсон* в штате Миссури, популярный у туристов.

США, а позже кандидата на пост президента. Холлис Этеридж хотел увековечить память своего отца, поистине великого американца. Выходец из бедной семьи, жившей в округе Полк, он проложил себе путь к славе и благосостоянию, сначала став участником напряженной политической борьбы в Форт-Смите, а затем оказавшись в коридорах власти Вашингтона, где он в течение тридцати лет был конгрессменом и долго возглавлял комитет Палаты представителей по выделению средств на нужды обороны. Граждане округа Полк и Форт-Смита просто обязаны были почтить память человека, прославившего их край и своим покровительством способствовавшего его процветанию.

В 1955 году автострады не было и в помине; никто даже не предполагал, что ее могут построить. Из Блу-Ай в большой город добирались тем же путем, что и Гарри вскоре после окончания Второй мировой войны, то есть по извилистому и неровному Семьдесят первому шоссе, которое и дорогой-то трудно было назвать: через горы и поля тянулись две узкие полосы разбитого асфальта, чуть расширяющиеся через каждые десять миль, там, где стояли захолустные невзрачные городишки — Хантингтон, Мэнсфилд, Нидмор, Боулз и Уай-Сити, самый бедный и жалкий из них. Всюду, куда ни кинь взгляд, то невозделанные склоны холмов с неплодородной почвой, то долины, где, не разгибая спины, трудятся доведенные до отчаяния люди, чтобы хоть как-то прокормиться. Время от времени встречаются участки обработанной земли, но еще чаще — унылые лачуги исполицыков. Таким представлялся вашему взору убогий ландшафт одного из самых нищих американских штатов.

Знойным июльским утром того года, в субботу, у обочины Семьдесят первого шоссе, соединяющего округа Полк и Скотт, в двенадцати милях к северу от Блу-Ай, притормозил черно-белый полицейский «форд». Из ма-

шины вылез высокий мужчина и, сняв ковбойскую шляпу, рукавом рубашки отер со лба пот. Судя по трем желтым полоскам на погонах, он носил звание сержанта. Седые волосы ежиком, тусклый взгляд, лицо, разучившееся удивляться, — в общем, типичная внешность полицейского или армейского сержанта последних четырех тысячелетий. Загрубелая кожа лица иссечена морщинами. За долгие годы солнце так иссушило и выжгло ее, что она стала сродни шкуре ископаемого животного. Разрез глаз узкий, но взгляд — пронизательный, замечающий малейшие детали и в то же время ничего не выражающий, а голос — густой и пронзительно скрипучий, будто кто-то пилит твердую древесину трехсотлетней сосны пилой трехсотлетней давности. Сержанта звали Эрл Свэггер, и ему было сорок пять лет.

Эрл огляделся. В этом месте дорога врезалась в склон холма, разрубая его на две половины, наподобие высоких берегов реки, и убегала вниз. Смотреть было не на что, разве только на дурацкий щит, рекламировавший бензин компании «Тексако». Южный склон покрывал подступающий к самой дороге непроходимый лес — запутанный лабиринт из ежовых сосен, красильного дуба и кариий с колючими кустами шиповника и арканзасской юккой. Воздух пропитан пылью — ни ветерка, ни малейшего дыхания бодрящей свежести, присущей горным районам. Оглянувшись на Блу-Ай, можно было видеть только массивный горб горы Фурш, казавшейся огромной зеленой стеной. На дороге валялся изрубленный броненосец, с которого содрали панцирь. Гудение цикад в жарком, неподвижном воздухе было похоже на нестройную игру квартета пьяных варганистов. Дожди не шли очень давно, уже несколько недель; стоял сезон лесных пожаров. Свэггеру все это напомнило Тараву, Сайпан, Иводзиму — там было так же жарко и пыльно.

Он взглянул на свои часы марки «Бьюлова»: 9:45. Рановато приехал. Правда, он почти всегда прибывает раньше времени. Остальные появятся минут через пятнадцать. Эрл надел шляпу и поправил на правом боку кобуру с кольцом калибра .357. Тяжелый револьвер оттягивал ремень, и ему постоянно приходилось следить за тем, чтобы оружие не съезжало в сторону. В ячейках поясного ремня сверкнули тридцать блестящих патронов. Блестящих, потому что он, в отличие от своих коллег, каждый вечер вынимал их из ячеек и тщательно протирали, оберегая от ржавчины, ведь кожа хорошо впитывает влагу. Пятнадцать лет службы в морской пехоте многому научили Эрла, но самый важный из усвоенных уроков — это необходимость постоянно заботиться о своем снаряжении.

Двадцать третье июля 1955 года — до чего же грустный, унылый день, а ведь вчера еще все предвещало удачу и счастье. После трехмесячного заключения в тюрьме округа Себастьян, расположенной в Форт-Смите, выйдет на свободу Джимми Пай. Буб, двоюродный брат Джимми, встретит его у ворот тюрьмы, а потом они сядут в автобус, следующий в округ Полк. Эрл подберет их в половине пятого вечера, чтобы отвезти Джимми в Нанли, на лесопилку к Майку Логану — тот обещал устроить парня на работу. Момент очень важный: во избежание очередного ареста Джимми должен иметь возможность начать новую, праведную жизнь. И черт побери, Эрл обещал Эди, жене Джимми, лично проследить, чтобы ее муж теперь-то уж напрочь и бесповоротно порвал с преступным прошлым. Впервые Эрл арестовал Джимми, причем без особой охоты, в 1950 году — за обычную кражу со взломом; тогда парню было всего шестнадцать. В 1952 году Джимми опять угодил за решетку, в 1953-м — еще дважды. И каждый раз покидал тюрьму в добром здравии. Талантливый парень — видный, красивый, когда

учился в школе, считался лучшим спортсменом в округе Полк и к тому же обладал даром очаровывать людей, вызывать к себе участие. Воспитанием Джимми никто не занимался, ведь его отец погиб на Иводзиме. Когда тот умирал, Эрл поклялся, что приглядит за его сыном, но обещания, данные на поле боя, в мирных условиях оказалось выполнять не так-то легко. Джун, жена Эрла, однажды даже заявила: «Клянусь, Эрл, об этом невоспитанном оборванце ты печешься больше, чем о собственном сыне». Джун, конечно, преувеличивала, но Эрл понимал, что так, возможно, думают многие. Глядя на Джимми, охотно верилось, что он наверняка мог бы добиться в жизни всего, о чем мечтал для него отец: парень был неглуп, сумел бы учиться в колледже и, если его направить по верному пути, замечательно устроился бы в жизни. В двадцать один год Джимми женился на самой красивой девушке в округе. Но в нем словно сидела какая-то пружина: стоило получить то, что недоступно другим, — Эди Уайт, например, — как он тут же отказывался от своего счастья.

Итак, этот день должен был стать торжественным — с учетом того, что долгое трехмесячное заключение перевоспитает любого. Перед Джимми с Эди открывалась новая жизнь, Эрл выполнил все обещания, данные отцу Джимми, всех их ожидало светлое будущее.

Эрл заметил на дороге движение: со стороны Блу-Ай к нему приближалась черная полицейская машина. Фургон затормозил, и из него вышел рослый мужчина — Лем Толливер, помощник шерифа Блу-Ай. Увидев его, Эрл сразу вспомнил, зачем он здесь.

— Привет, Эрл, — поздоровался подъехавший. — Мы опоздали или ты явился раньше времени?

— Я рано приехал. Да к тому же этих чертовых собак все равно пока нет. Надеюсь, старик, будь он проклят, не забыл.

— Вспомнит, — отозвался помощник шерифа и, повернувшись, открыл заднюю дверцу. — Ладно, ребята, выходи. Приехали.

Из кузова выкарабкались двое загорелых немолодых мужчин в тюремных робах. Эрл знал их: Лам и Джед Поузи проводили гораздо больше времени в тюрьме Блу-Ай, чем на свободе, вступая в столкновение с властями при каждом удобном случае. Обычно они незаконно торговали виски (одна из основных проблем федеральной полиции), промышляли мелким воровством, угоняли машины, крали в магазинах — в общем, тащили все, что давало возможность запихнуть в брюхо лишний кусок. Однако, по мнению Эрла, братья не представляли опасности для общества.

— Ты уверен, что стоит городить огород ради негритянки? — поинтересовался Джед Поузи. — Какая тебе разница? Пусть нигеры сами об этом беспокоятся.

— Заткнись, Джед, — ответил Эрл. — Дай ему по башке, Лем, если будет и дальше нести чепуху. Его привезли сюда работать, а не болтать.

— Уж больно ты любезничаешь с ниггерами, — продолжал Джед. — Все это знают. А они наглеют на глазах. Говорят, сюда направляются черномазые с севера, чтобы расшевелить наших. Еврейские делишки. Эти пейсатые разработали план, как захватить власть, соображаешь? Хотят отдать наших девчонок громилам-ниггерам. Понимаешь?

— Слушай, Джед, заткни пасть, — рявкнул Эрл. — Больше предупреждать не буду. Я по десять раз не повторяю. Это с тобой надо поменьше любезничать.

Эрл имел репутацию смелого и жесткого человека; в честной драке, да и в нечестной тоже, он переломал бы Джеду Поузи кости, а потом вытер об него ноги. Увидев, что Эрл разозлился, Джед тут же пошел на попятную. Эрлу Свэггеру не перечили.

— Все, молчу, Эрл. Не обращай на меня внимания.

Лем перочинным ножичком отрезал клинышек пресованного табака «Браунз мьюл» и сунул в рот, на левую сторону. Щека оттопырилась, словно набитый золотом мешок. Лем предложил табак Эрлу.

— Нет, спасибо, — отказался Свэггер, — у меня пока нет такой дурацкой привычки.

— Много теряешь, Эрл, — улыбнулся Лем, раздувая щеки, и в придорожную пыль полетел комок тягучей коричневой слюны.

В этот момент внизу на дороге показался третий, последний автомобиль. Оставляя позади шлейф синего дыма, тарахтя старым двигателем, по склону с пыхтением полз дряхлый «нэш», выпущенный двадцать лет назад. Пару раз мотор дал сбой, но легковушка все же преодолела подъем и остановился на обочине, рядом с двумя припаркованными автомобилями. Почти вся верхняя часть кузова была срезана газовой горелкой, отчего «нэш» стал похож на пикап. На землю бойко прыгнул молодой мужчина неопределенного возраста в грязной спецодежде; на голове — фуражка строительного рабочего, лицо заросло бородой. Говорили, что при ветре Попа Двайера можно учуять за милю, а тот день выдался безветренным, так что смердящий запах Попа — зловоние немытого мужского тела и псины — вонзился в нос Эрла, словно шило.

— Не подпускайте ко мне этого старика, — заявил Джед Поузи. — От него несет как из хлева.

— От тебя после вчерашней ночи воняет не меньше, — отозвался Лем Толливер, жуя табак. — Привет, Поп.

— Привет, — поздоровался Поп, обращаясь ко всем собравшимся; в бороде сверкнула доброжелательная улыбка. — Вот, привез своих лучших малюток, мистер Эрл, как вы сказали.

— Хорошо, — ответил Эрл, наблюдая за Попом.

Тот подошел к задку машины, погремел цепями и выпустил из клеток трех грациозных собак с гибкими телами. Две из них, гладкошерстные мускулистые гончие светлой масти с серо-голубыми пятнами и смолистой клейкой пастью, прыгали, ожидая приказаний хозяина. Третий пес, с утопающей в складках мордой, был из породы ищеек.

— Мистер Молли — мой лучший пес, — сказал Поп. — Если есть что искать, старина Молли найдет обязательно. А щенков этих взял, чтобы поучились. Мистер Молли стареет.

Гончие залаяли, обнажив белые клыки и розовые языки в пенистой вязкой слюне. Братья Поузи им не понравились: собаки сразу почувствовали, что Джед презирает их хозяина. Джед Поузи попятился:

— Убери от меня эту чертову сучку.

— Это не сучка, болван. У него между ног штуковина с кукурузный початок, — ответил Поп. — И потом, я — свободный человек. Работаю с полицией по договору.

Отупляющий знойный воздух наполнился энергичным собачьим лаем, совсем не вязавшимся с атмосферой уныния, которое навевала удушающая жара. Лай слегка нарушил душевное равновесие Эрла, хотя он старался не идти на поводу у своих предрассудков. Однако и на Тараве собаки Второй дивизии морской пехоты лаяли, когда бойцы прочесывали взорванные бункеры и доты, выискивая среди мертвых тел немногих оставшихся в живых японцев. Думаете, чтобы спасти их? Нет, сэр. Если собаки с воем выбегали из бункера, значит где-то внутри стонал недобитый японец. Тогда раздавалась команда «Огонь!» и в лаз летели две-три гранаты. Когда взрывы стихали, один из морских пехотинцев направлял в отверстие огнемёт и в течение десяти секунд поливал бункер пламенем, сжигая дотла все, что было внутри. С тех пор миновало двенадцать лет, но Эрл до конца своих

дней будет помнить, как все происходило: лай собак, за-
тихающие глухие взрывы гранат, смрад горелого мяса,
жужжание мух.

— Вы дадите что-нибудь понюхать мистеру Молли? —
спросил Поп, прищурившись. — Иначе он не возьмет
след!

Эрл кивнул, внутренне напрягаясь в предвкушении
поисков. С заднего сиденья своего автомобиля он выта-
щил розовый шерстяной свитер:

— Посмотри, это подойдет?

Поп схватил огромной грязной рукой изящную вещь
и бросил собакам. Псы обнюхали свитер и стали яростно
рвать в клочья. Одна из гончих, оттеснив двух других,
почти полностью завладела вещью, но те, вздрагивая
всем телом, опять приблизились и зарылись в шерсть
носом и клыками, будто хотели ее проглотить. И вдруг
разом отскочили в стороны, так же быстро, как налете-
ли: очевидно, псы, смысленные, но ограниченные, загру-
зили запах свитера в свои мозги, и тот потерял для них
всякий интерес. Влажный, изодранный в клочья свитер
упал на землю.

— Ведь он вам больше не нужен, мистер Эрл? — по-
интересовался Поп.

— Нет-нет, бог с ним, — ответил Свэггер. — Давайте
начинать.

— Вы уверены, что это то самое место?

— Уверен.

Эрл бросил взгляд через плечо. На высоте шестна-
дцати футов был укреплен рекламный щит с красоч-
ным изображением пяти пляшущих работников бензоко-
лонки. По всей вероятности, это были популярные пер-
сонажи какого-нибудь дурацкого телешоу: Эрл никогда
о нем не слышал (да и плевать на него), но сразу понял,
откуда они взялись. Надпись на щите гласила: «Компа-
ния „Тексако“ представляет „Петро-Х“ — секретный ба-

зовый компонент высокооктанового бензина для автомобильных и авиационных двигателей».

Полицейские мыслят весьма своеобразно. В журнале происшествий полиции округа Полк, который Эрл обязательно просматривал раз или два в неделю, хотя это и не входило в его обязанности, он увидел одну запись, на первый взгляд ничем не примечательную: «Заезжала белая леди и сообщила, что вчера поздно вечером, направляясь на своей машине к границе округа, она заметила в свете фар, у рекламного щита компании „Тексако“, чернокожего парня, который вел себя несколько странно. Она решила, что об этом следует известить полицию, поскольку слышала множество историй об опасном и дерзком поведении негров, проживающих южнее».

Никакой существенной информации. Но накануне вечером, возвратившись домой, Эрл крайне удивился, увидев на улице своего сына Боба Ли. Фигурка мальчика в енотовой шапке, как у Дэви Крокетта¹, с которой он никогда не расставался, одиноко вырисовывалась в лунном свете. Боб Ли был спокойным, можно даже сказать прилежным, девятилеткой, не паниковал без нужды и не пугался.

— Что случилось, сын? — спросил Эрл.

— К тебе гости, папа. Они отказались войти в дом, хотя мама приглашала.

Что-то в голосе мальчика подсказало Эрлу: происходит нечто странное. Так и оказалось. На крыльце застыли мужчина и женщина, оба черные. Они явно опасались воспользоваться гостеприимством Джун.

Эрл подошел к ожидавшим его людям:

— Вы кто?

Как правило, черные никогда не приходили в дом к белому человеку, тем более незнакомому, да еще в такое

¹ *Дэви Крокетт* — фольклорный герой эпохи фронта (освоения земель на Западе США), меткий стрелок, знаменитый охотник на медведей, храбрец и хвастун. Имел реального прототипа — Дэви Крокетта (1786–1836).